

## ГРАНИЦА ДНЯ И НОЧИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Е. С. Стрельникова

*Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 26 мая 2020 г.

**Аннотация:** автор статьи анализирует ряд ранних произведений поэта (до 1915 г.), в которых граница дня и ночи выступает маркером диалектики дионисийского и аполлонического начал. В статье обозначена проблема мифологической поливалентности на разных уровнях поэтики Маяковского, прослежено включение лирического героя в контекст христианского мифа, а также намечено направление творческой эволюции поэта.

**Ключевые слова:** о, аполлонизм, дионисийство

**Abstract:** this article is devoted to the dialectic between Apollo and Dionysus concerning the border between day and night in some early poems (1912–1915) by Vladimir Mayakovsky. It's analysed the features of poet's myth-making such as the phenomenon of multivalent at the various levels of poetics and the role of persona in the context of Christianity's myth. In conclusion the author charts the way for the further art's evolution of Mayakovsky.

**Keywords:** Mayakovsky, myth-making, Apollo, Dionysus

В той или иной форме все творчество Владимира Маяковского есть отражение пограничного положения его лирического героя. Лирический герой лишен закрепленной хронотопной константы, он всегда «между»: днем и ночью, тьмой и светом, добром и злом, землей и небом, жизнью и смертью, забвением и бессмертием и т.д. Подобная поливалентность, одновременная принадлежность противоположным полюсам свойственна сущности лирического героя. Внутренняя дисгармония — источник жизненной трагедии «тринадцатого апостола», т.е. апостола лишнего, непонятого, пришедшего не вовремя.

Ранние произведения Маяковского — пример мифотворчества в литературе. В рамках литературоведения термины, связанные с мифом, мифологией и мифотворчеством, звучали с появлением в 1802–1805 гг. труда Ф. Шеллинга «Философия искусства» [1]. Шеллинг утверждал, что мифотворчество в искусстве принимает вид индивидуальной творческой мифологии. Р. Якобсон в русле этой модели рассуждений определяет индивидуальную мифологию как единство постоянных элементов, накладывающихся на произведения «печать поэтической личности» [2, 146], а мифотворчество — как набор «постоянных символов», выраженных ситуативно и лексически [2, 146].

Д. Ю. Шалков [3] описывает персональную христологию и космогонию в творчестве Маяковского, которые связаны с преломленной традицией библей-

ской и фольклорно-мифологической семиосферы. Не случайно и наше обращение к авторской мифологии ранних произведений Владимира Маяковского. В качестве одного из источников мифотворчества в ранних текстах Маяковского мы усматриваем феномен дионисийства.

Описанное Т. В. Давыдовым [4] дионисийское начало в ранней лирике Маяковского при подробном анализе произведений подтверждается появлением в текстах категорий телесной разобщенности («Владимир Маяковский», «Облако в штанах», «Надоело», «Война и мир», «Человек»). Иные признаки дионисийского начала — мотивы безумия и сумасшествия («Я и Наполеон», «Облако в штанах», «Война и мир», «Человек», «Ко всему»), преследования с целью принесения в жертву («Ночь», «Облако в штанах», «Война и мир», «Человек»); сюжет двойного рождения, земного и небесного (Богоматерь на Земле и Бог-Отец в небе). Отдельная «дионисийская» черта лирического героя Маяковского — его двойственная сущность «жестокое, одичалое демона и благого, кроткого властителя» [5, 174]. Внутренняя двойственность (жертва и божество) сосуществует с двойственностью внешней (Дионис и Аполлон). Судьба бога-Аполлона — вселенское посланничество с целью достижения людьми совершенства и гармонии. Судьба героя-Диониса — «вечно обновляющаяся страстная смерть и божественное восстание из гроба» [6, 57].

Неприкаянность, отсутствие дома — важная пограничная характеристика лирического героя Маяковского, которая также берет начало в его дионисийской сущности. Сквозной сюжет ранних про-

изведений — вечное путешествие (внешнее и внутреннее) между двумя пространствами — горным и дольным. Будучи «разорванным» Дионисом, лирический герой стремится достичь аполлонической «целостности», но терпит неудачу.

Губитель и помощник, бог-каратель и бог всемирной гармонии, Аполлон является одновременно двойником и антиподом дисгармоничного Диониса. Дионисийское начало невозможно без аполлонического — и наоборот. Подобная диалектика и есть, с нашей точки зрения, мифологический механизм поэтики ранних текстов Маяковского, обеспечивающий развитие сквозного лирического сюжета и эволюцию лирического героя.

П. А. Климов выявляет мифологические черты на всех уровнях поэтики Маяковского [7]. К. Г. Петросов указывает на мифопоэтический характер художественного времени ранних произведений Маяковского [8]. Р. С. Спивак отмечает, что время у Маяковского стремится к расширению до вечности именно посредством исторических, библейских и мифологических реминисценций [9], а В. Н. Топоров утверждает, что поэзию раннего Маяковского в целом можно охарактеризовать как ночную/вечернюю [10, 408].

Мы считаем, что именно в диалектическом противоборстве Диониса и Аполлона — суть борьбы дня и ночи в ранних текстах Маяковского. Аполлон (бог света, Феб, в поздней античности — олицетворение солнца) связан с образом неба, отсюда — его гармония и воссоединяющая сила. Дионис (Никтелий, «ночной») — бог растерзанный и страдающий, который нисходит к людям и в жертву приносит «свою божественную полноту и цельность» [6, 166]. Опираясь на указанные особенности взаимодействия дионисийского и аполлонического, мы предпринимаем попытку собственного осмысления категории пограничности дня и ночи в ранних произведениях Маяковского.

Мир, который страдает от натиска безобразного человечества (категория безобразного у Маяковского всегда связана с категориями косности и бездуховности), изображен в ранних произведениях автора в пограничном состоянии. Это граница либо между ночью и утром, либо между вечером и ночью.

Пространство ночи в стихотворении «Ночь» (1912) [11, 33] оказывается наполненным богатейшей цветовой палитрой — на это указывает С. Г. Ванюшкина, сравнивая ночной город с композицией цветочных пятен [12, 99]. Лирический сюжет стихотворения разворачивается не просто ночью, а на границе дня и ночи; багровый, белый, зеленый — «дневные» цвета, в то время как ночь характеризуют «синие тоги» и «желтые раны».

Антитезой названию «Ночь» выступает название стихотворения «Утро» (1912) [11, 34]. Картина утреннего просыпающегося города апокалиптична:

лирический герой видит «гам / и жуть»; сам город — раб «крестов», дома сравниваются с гробами, и город достоин лишь того, чтобы жестокий восток бросил его в «пылающую вазу». Отметим, что утверждение С. Г. Ванюшкиной о том, что темнота ночи — это «чужой мир для героя», связанный с «замиранием жизни и, наконец, смертью» [12, 100], представляется нам спорным. Напротив, мистика идиллического ночного пространства в ранней лирике Маяковского оказывается разрушенной из-за наступления утра, которое вскрывает все несовершенство существующего мира.

Когда люди ночью спят в «гробах домов» («Утро», [11, 34]), окружающий мир оживает без их участия («Несколько слов о моей жене», «Порт», «Военно-морская любовь»). Но с наступлением утра «безобразные» люди выходят на улицы городов, и востоку ничего не остается, кроме как сделать все возможное для их уничтожения.

Так, в самой первой строфе стихотворения «За женщиной» (1913) [11, 44] некто на грани между ночью и утром готовится ударить «по ребрам крыши». Кто это? Поскольку локус первого четверостишия — небо, следует вспомнить того, кто может бросить «в небо косые вожжи»; значит, этот кто-то едет по небу на коне или колеснице. Вероятно, это тот самый Аполлон, который всегда приводит с собой наступающее утро. Аполлон, однако, назван «седым и тяжким»: в этом можно усматривать его сходство и с Зевсом (лексема «ревниво», образ стрел-молний), и с христианским Богом-Отцом.

Косвенным подтверждением последней версии служат рассуждения Вячеслава Иванова о том, что суть аполлонического и дионисийского образов в древнегреческой мифологии отчасти могла послужить прообразом для становления основных фигур новозаветного христианства [6]. Тот факт, что христианство — источник многих образов и сюжетов ранних текстов Маяковского, отмечается многими исследователями. Так, Н. Г. Юрасова рассуждает о замкнутости в лирике Маяковского небесного, райского пространства [13, 207]. К. А. Медведева видит в трагедии «Владимир Маяковский» полемику лирического героя с христианскими нравственно-этическими представлениями [14], а Д. Ю. Шалков отмечает в поэме «Облако в штанах» мотивы «искупительной жертвы, распятия, мученичества, непонятого осмеянного пророка» [15, 31].

Цикл «Я» (1913) — важная веха творческого пути Маяковского. В стихотворении «Несколько слов о моей маме» [11, 47] наступающая ночь отнюдь не представляется спокойным и идиллическим пространством. Напротив, на закате (эта граница между днем и ночью появляется у Маяковского впервые) в комнату проникает сильный, почти штормовой ветер («я скажу, / раздвинув басом ветра вой»), а общее состояние мира можно назвать предапокалиптическим, тревожным.

Почему закат, как и рассвет, предвещает лирическому герою лишь беды? Да, враг лирического героя — солнце — уходит за горизонт, и его влияние на судьбу лирического героя вроде бы нивелируется. Но уходящее за горизонт солнце не исчезает совсем, а лишь перестает освещать мир; враг уходит с поля боя, но война с ним не окончена, равно как и его разрушительное воздействие. Бог-Отец «уходит за горизонт», т.е. перестает слышать мольбы своего сына, однако судьба лирического героя уже предрешена: оставленный Отцом на Земле, он и при дневном свете, и в сумерках, и ночью будет пытаться искупить грехи человечества, чтобы принести в мир любовь и гармонию.

Земные мытарства лирического героя лишь начинаются: лоб лирического героя, «венчанный шляпой фетровой», «окровавит гаснущая рама»; совсем как терновый венец Христа, алая полоса заката намечает будущий исход страданий лирического героя, чья поэтическая и мессианская судьба — «облачный танец» и мученическое распятие.

Ночь сменится наступлением утра, всегда разрушительного и несущего смерть и лирическому герою, и всему миру. Душа лирического героя окажется «клочьями порванной тучи / в выжженном небе» и будет распята «на ржавом кресте колокольни» («Несколько слов обо мне самом» [11, 48–49]).

Образ бога заменен образом солнца; само слово «солнце» появляется у Маяковского впервые: «Солнце! / Отец мой!» [11, 48]. Бога и солнце объединяет карающая сила, с которой они терзают окружающий мир. Сын, отправленный для спасения человечества, оказывается бессильным перед людьми, которые при молчаливом попустительстве бога ополчились и ожесточились («Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольной» [11, 48]).

Подобно смене дня и ночи, жизнь в страданиях и мученическая смерть постоянно сменяют друга друга в путешествии бессмертной души лирического героя. Уже и Христос — такой же мученик, как и сам лирический герой — не выдержал и «из иконы бежал» [11, 48]. Христос в данном тексте — двойник лирического героя, но не отождествленный с ним персонаж, а рождение нового дня — предмет метафорического покушения («слов иступленных вонзаю кинжал / в неба распухшего мякоть» [11, 48]); подобный мотив встретится нам в «Облаке в штанах» (1914–1915) [11, 173–196], когда лирический герой достанет «сапожный ножик» [11, 195] и бросится с ним на бога.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что к моменту написания «Облака в штанах» Маяковский подойдет к тому творческому рубежу, за которым уже будет невозможным мифотворчество, основанное лишь на том, чтобы поместить своего лирического героя в контекст дионисийского и христианского мифа. Изменится отношение лирического героя

к поливалентности окружающего мира, трагичности собственной судьбы, относительности ночной гармонии и дневной эсхатологичности. Мифотворчество перерастет в осознанное миротворение, и отмеченные нами особенности поэтики «пограничности» в творчестве Маяковского также претерпят существенные изменения.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Шеллинг Ф. *Философия искусства* / Ф. Шеллинг. — М.: Мысль, 1966. — 273 с.
2. Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р. О. Якобсон // Р. О. Якобсон. *Работы по поэтике* / Р. О. Якобсон. — М.: Прогресс, 1987. — С. 145–180.
3. Шалков Д. Ю. Библийские мотивы и образы в творчестве В. В. Маяковского 1912–1918 годов: дис. ... канд. филол. наук / Денис Юрьевич Шалков. — Ростов-на-Дону, 2008. — 230 с.
4. Давыдов Т. В. Дионисийское начало в ранней лирике В. В. Маяковского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Давыдов. — М., 2006 // Электронная библиотека: библиотека диссертаций. — Режим доступа: [<https://dlib.rsl.ru/viewer/01003279480#?page=1>]. — Дата обращения: 24.04.2020.
5. Ницше Ф. *Рождение трагедии из духа музыки* / Ф. Ницше. — М.: Азбука, 2012. — 208 с.
6. Иванов Вяч. И. Дионис и прадионисийство / Вяч. И. Иванов. — СПб., 1994. — 343 с.
7. Климов П. А. Мировоззренческие предпосылки поэтики В. В. Маяковского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. А. Климов. — Москва, 2006. — 206 с.
8. Петросов К. Г. Земля и небо в поэме Маяковского «Человек» / К. Г. Петросов // *Вопросы литературы*. — 1987. — № 8. — С. 121–145.
9. Спивак Р. С. *Русская философская лирика: 1910–е годы*: И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский: Учеб. пособие / Р. С. Спивак. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 408 с.
10. Топоров В. Н. Флейта водосточных труб и флейта-позвоночник (внутренний и внешний контексты) / В. Н. Топоров // *Поэзия и живопись: Сб. тр. памяти Н. И. Харджиева* / Под ред. М. Б. Мейлаха, Д. В. Сарабьянова. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 380–423.
11. Маяковский В. В. *Полное собрание сочинений*: В 13 т. / В. В. Маяковский. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955–1961. — Т. 1. — 463 с.
12. Ванюшкина С. Г. Пространственные координаты в ранней лирике В. В. Маяковского / С. Г. Ванюшкина // *Вестник ТГПУ*. — 2010. — № 8(98). — С. 99–101.
13. Юрасова Н. Г. Некоторые особенности пространственной организации художественного мира В. В. Маяковского / Н. Г. Юрасова // *Вестник ННГУ*. — 2007. — № 5. — С. 207–211.
14. Медведева К. А. Проблема нового человека в творчестве А. Блока и В. Маяковского: Традиции и новаторство / К. А. Медведева. — Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 1989. — С. 176–207.

15. Шалков Д. Ю. «Обыкновенное евангелие» «тринадцатого апостола»: библейская символика в поэме В. В. Ма-

яковского «Облако в штанах» / Д. Ю. Шалков // Русская словесность. — 2008. — № 4. — С. 30–39.

*Воронежский государственный университет*

*Стрельникова Е. С., аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук филологического факультета*

*E-mail: svstrelnikov@inbox.ru*

*Voronezh State University*

*Strelnikova E. S., Post-graduate Student of the Department of Russian literature of the XX and XXI centuries, theory of literature and Humanities, Philological Faculty*

*E-mail: svstrelnikov@inbox.ru*